

ЯСНЫШ

Стихи

Чита

Издательство «Птач»

1922 г.

КНИГЕ

Поэт – только словоработник и словоконструктор, мастер речековки на заводе живой жизни.

Стихи – только словосплавочная лаборатория, мастерская, где гнётся, режется, клепается, сваривается и свинчивается металл слова.

Всё равно, в конце концов слово должно будет уйти за пределы стихов и стать той же частью подлинной жизни, как взмах кайлом, как поцелуй, как ломоть хлеба. Тогда умрут окончательно стихи, потому что повседневная речь людей станет великолепнейшим непрерывно длящимся стихотворением.

Восприятие стиха – не грёза, под обаянием созвучий и настроений волокущая пассивную душу за шиворот в страну чудес. Восприятие стиха – повторное преодоление материала, усвоение приёмов конструктивного подхода поэта к слову.

Воспринять стихотворение – уже значит отбросить это стихотворение во имя дальнейших преодолений.

Бойтесь вешать стихотворение вечной и нерукотворной иконой в красном углу души. От этого угол коптеет, и живая душа становится скопидомной коробочкой.

Бег по кремнетропам преодолений, бросание усвоенных форм в котлы новых конструируваний, ежеминутная отдача человечеству градусов своего рабочего напряжения – лишь здесь вызревает радость совместного осиливания косности быта, обращающего вещи в святыни, а людей в вещи.

Сергей Третьяков.

І.

ДЫБ

МОЕЙ АУДИТОРИИ.

Спич.

Оком пунцовые маки пить!
Рот рокотавый рупором!
Сердце из хлипкой накипи
Дёрнуть презренья штопором.

Жирься, угретая вошь, расти
В сале наскрябанной перхоти!
Славьтесь, о клумбы пошлости!
Сытой овцою перхайте!

Ставки готовлю очные.
Эй ты, штанина рыжего!
Стих мой в мешки защёчные
Сунув, тебе ли выжевать!

Эй ты, беззубием слов рычи!
Что кроме корма трогало?
Рёбер сбиваю обручи.
Очи синее впроголодь.

Что по ногам расплескали вой,
Лай балалай-пиликалок?
Пальцы, кулак, оскаливай!
В поножи, мускулы щиколок!

Воздухом вздулись полости.
Лицо на глаза застёгнуто.
Дорога в синие волости
Солнечной гирей прогнута.

Кто за секундой бежал, настиг,
Слово восьмёркой скручивал.
Тот унесёт без жалости
Воздухом боль замучивать.

Чуете рук серебрение?
Я-ль окровавил когонибудь?
Славься, моё презрение,
Солнцем идущее по-небу.

В ремнях времени посвист пристальный.
Пунцоветра размахан мех
Заклепать на межбровие приз стальной:
Гнев. Смех.

1920

Солнце повесилось на синих стропилах,
И от всех людей отвинчены тени.
До мерзости видно. Стрёпан веник,
И нет, чтобы кровь посыпать, опилок.

В каждой луже лицо своё вижу.
Куда мне от юлких пальцев упятиться?
Уткнуться ли лицо в любую жижу?
Надеть ли на пальцы детские платяца?

И нет в мире глаз, куда не врос-бы.
И все голоса – скрипучие слепки.
А на сердце мотаются гаденькие космы.
В небе ли бессмертный, святой и крепкий?

Шагнуть бы сквалыжными мясными ходулями,
За горизонт зашагнуть – и скрыться,
Где деревья корни складывают дулями,
А на можечинах голубые корытца.

Где можно шуму древесному близко быть,
Истоптать до кости ноги и тропы,
И два дня глядеть на зверюжью ископытъ
Величиной не менее половины Европы.

А потом лечь –
От века до века и ещё три дня...
Лежать и чують, как между плеч
Ползёт колено торопыги-пня.

1919

МЯТЕЖ.

Навьючился страхами час наш,
А сердце – копилка вопросов оно.
Смотри же, мой кроткий Ясныш, –
Спокойствие исполосовано:

Всеми гладкими лицами
Залазили морщины мокрицами.
И у самых ясно-глупых
Дрожкая изморозь в тулупах.

Озираются. На гривенник каются.
Ставят свечи по фунту.
Виновато улыбаются:
«Не надо бунту»...

.
Уж хвосты у собак – фитили,
И зуб на зуб гвоздит дробь иголкой.
Ой, придёт мятеж из земли
Мостить мостовые сволочью.

Придёт, не поленится,
Кирпичнет и умных, и глупых.
Ляжет поленница
Ослабленных трупов.

Зарукомашут сослепу,
Натыкаясь на пули глоткой,
Хлюпая кровью собственной,
Зайцем визжа под каждой загородкой.

Ногами запутаются в ужасе
Над пунцовой харей лужицы.

А когда замостят переулки котелками,
Черепки черепов расплюют, как подсолнух,
Мятеж – слепой опустит камень
И почешет мускулы, что кровью солонь.

А те жабы
Сквозь пиво припадка будут пищать:

Ещё мятежа бы,
Мало, чать!..

Но нечего будет стрелять и резать,
И грянет земля, точно харкнет: прочь вы!
И станет рудой рассыпчатой железо,
И станут мятежники жиром почвы.

Хвосты у собак повиснут,
И вылетит вой голубем;
Только, домами стиснут,
Будет воздух покоем голоден.

.....

Но, чтоб дрогнули неба глаза,
Надо, чтоб вдоль
Заквашенных трупами улиц
И рухнувшей рухляди комнат,
Сквозь усопшую боль –

Аршинный король –
Прошёл последний ребёнок,
Которому красную жижу
Забавно отшлёпать ладошкой,
Век колупнуть застёжку
И сопя шептануть – вижу.

На корточки сесть
И – палкой по гниловатым лицам.
Пальцы топыря, дивиться,
Что дядей лежачих не счесть.

И снова брести, ковыляя,
Потому что дребезги стёкол...

.....

Иди, мясцо несмышлёное,
С голубыми до-нельзя зрачками.
Всё, что на земле зелёное,
Всё, что в небе пошло облачками,
Всё, что в воде отмигнулось полудню,
Целует тебя губами длинными,

Что уши ослиные,
Аль крыла ангелят...
Улыбайка – губошлёпик,
Карапузик – земли хозяин!
Иди от поляр до тропик,
Маленький Каин,
Которому нет ещё Авеля.
Агу!
А падали человеческой отравы
Слопают жирные бурно-зелёные травы.
Иди! Я – поэт. Я тебе помогу.
Агу!

1919

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ.

Белый медведь плывёт на льдине.
Лёд поёт. Океан урчит.
Вода – не вода – пестроперье скворчих,
Да белые клювы, налитые щебетом.

А там, куда жмуриться, в небе там
Солнце – вселенская дыня –
Вывесило плакат:
«ЖАРИЮ. ТУМАН ПОДЫМАЮ.
СПЕКАЮ».

Тявкает волн целина.
Из льдины вода вытаивает.
Шерсть очерствела, а солнце льна
Воднебого синь раскраивает.

Льдина качается хрустальным маятником.
Мается белый – в глазах кровавое горе:
Смешно ж в океанскую прорву – солёный плач!
Четверолапый, достой! Скоро доедем.

Стал на площадке моря
Белый медведь на льдине памятником
Всем одиноким медведям,
Ставшим ручней водовозных кляч.

1919

АДЪЮТАНТ РЕВОЛЮЦИИ.

Посвящается многим...

Ночь была, как взведённый курок –
Звезда оборвись – и взвизгнет.
Вставал громовой прокурор,
Опираясь на крыш крутизны.

До созвездий распухший живот
Ждал вопля рожать кого-то...
И вот:

От предместья к предместью,
В свисте солнца кроваваясь флагами,
Прокатил с мерцающей вестью
Грузовик цепобряцый с ватагами.

Треснули новые двери
Навстречу крикам и бурям.
Подводили баланс бухгалтерии
Закрещенные окна тюрем.

И понятно без переводчика,
Что у губ размашистым почерком
Написано – «Радуйся!»

А глаза партизан, как венцы королей –
Всё светлей, светлей, светлей,
Так,
Что...

.....

Стоп!
Штопором лестниц,
Георгиной восстанья зажѣгши пальто,
Сквозь патрулями стоящие песни,
Марсельезе в лад пританцовывая...
Кто?!

Патруль. Пароль!
Он. Мятажа Коронация!
Патруль. Лозунг!
Он. Знамя пунцовое!
Человек у стены. Галлюцинация?!
Не может быть! Вы ли?
Вас же видел вчера ещё я:
Морду ткнув в небеса прогорающие,
Выли...
И зыблила падаль крестьянских пожарищ
Взопрелой душенки собачье торгашество.
Господин! (Молчок) Виноват! – Товарищ!
Это вас сейчас называют «Вашество»?

Великолепная кличка.
Не хватает только ошейника.

Пойдите умойтесь! С личика
У вас ещё не слезло заячье.

Кровь несполоснутых денег...
Грязь недоданных взяток...

В паспорте выжгите строчку – мошенник!
Сорвите с брелоков капли пуль!

В зеркало гляньте! Нельзя так!
На усах соуса вчерашних доносов.

Он. Эй, патруль!
(Голос родосских колоссов)
Юродивый! Дорогу!
Я – адъютант революции.
Прочь, тварь!

Патруль. Пароль?

Он. Бейте тревогу!

Патруль. Лозунг?

Он. Наши за волю бьются...

.....

Человек у стены. Смеюсь в заревые полотнища.

Сердцем навывлет праздную.

– Милостивый Государь!

Революция зубом куснёт ещё,

Чтобы выпустить ваше единственно красное...

Сердце выкрошено

В злоб каменоломни:

Красная болячка,

Которой всё можно.

Товарищи! Бить будете –

Рук не запачкайте!

Помните:

Осторожно –

Выкрашено!

1920

4-5 АПРЕЛЯ 1920 Г.

Смотрю весёлые лица чужих.

Россия – до дна мне одна родна ты!

Я спокоен. Я видел зрачков ножи

И ощупал сердец разрывные гранаты.

Гвоздили, рёбра домов чеша;

Думали – гочкис чавкает стёкла,

А это только моя душа

В ливне стрельбы кровотечью намокла.

В помоях тумана мгла помогла
Гильоупулетиномёт обратить в мясорубку,
И каждая пуля щипком рвала
Из сердца цветы и всё, что хрупко.

А утром мясо раненых стен
Рычало, как рупор плаката – ОТЧАЯНЬЕ!
А на крупе толпы гарцовало молчание,
Толпу зажав железом колен.

Я читал в забровленном улиц шелесте,
Как тяжко весна умеет кровавиться,
И что есть названья, зажатые в челюсти,
Пред которыми – ландыш – слово «мерзавец».

Глядите! Разве же флаги величатся,
Утыкав булавками город вдовый?
Раскройте ж глаза – это яичница
С огромным желтком человеческой крови.

Слушайте – разве пуль аршины
Цедят пулемёты в кровавую строчку?
Это шьют на смертельных швейных машинах
Удобной Японии красную сорочку.

Пусть братьев уводят в расщелины улиц:
Путь – прям. Шаг – горд.
Броненосцами пусть караулятся
Рёв машин оборвавший порт.

Обезоруженные неопорочены –
В полях позванивает сталь мотыг.
Пришедшие сюда!
Я спокоен,
Когда молчание звончей пощёчины,
А взгляд – штык.
Да!

Владивосток

ПЯТИЛЕТИЕ.

А. Скрябин

Опять струнных ногтей повилика
Поднимает рояля лаковый парус
И качнёт по буграм басов и крика
Истерику, полыхающую из яруса в ярус.

И когда под ножами клавиш
От сочных болью царапин
Сердце повиснет на нитке,
как вырванный глаз,
Каждый ты исступлённо восславишь:

Прощенья!
Осанна!
Александр Скрябин –
Землевращенья
Экстаз.

ВОССТАНИЕ УТР.

Намутила пучина ладана
Волновёрткою мокрой пляскою.
Окаянной ночи неладно –
Всеми звёздами зирко ляскает.

Где ни рёбра раздвинут ножом –
Утучняется ночи хворость.
Ослабела, легла крыжом,
Пузом давит и ломит хворост,
Чует,
Как в ушах тишина ночует.

Стены сахаром стаяли
В темьтиши в тишьтемени.
Почивальные храпы стаями
Бьют крылом земляному темени.

Поползли повозки кроватей
Конокрадов ночных вороватей,
И плывут темнотой колыбели
В чёрных елей ночной корабели.

Молится ночь-воровка,
Мозоли набив на лбу,
Чтоб ветер рвнул верёвку
С кольцом просоченным в губу.

Завалило теменью просеки.
Реки сдохли, плеснув на бегу,
И встают по козам волосики...
– Угу-гу-уу... угугуу...

Это тьмы заревели,
Посинев от натуги,
И легко зоревели
Неба пласт отвалившие плуги.

Недовыплакала ночь слезин,
Недовысидела
В гущине бузин...
Дивны в выси дела:
Из-за бугра морского
Лезет,
А рыж как?
От него и вода – апельсин.
Будет матери крышка.
Лезет
Заяренный материн сын.

Замахнул кулак в водоплясину.
Зажужжал мировой кубарь.
На костёр! На топор! На балясину,
Оголтелое солнце, жарь!

1920

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПЕСНЯ.

Трубы заводов гряньте
Маршем на нашем пути!
С солнцем на красном банте
Молодо нам идти.

Товарищи, стройся в колонны!
По сердцу равняйте шаг!
Сегодня над маем зелёным
Алейся рабочий флаг!

(Припев)

На первый май из края в край,
Труда солдат, ряды смыкай!
Знамена вей! Сердца взломай!
Рабочий май!

Сегодня машинам не топать.
Пускай отдохнуть станки.
Отрём трудовую копоть
Ладонью железной руки.

Настежь глаза раскроем,
И песни наших рядов
Забьют океанским прибоем
В улицы всех городов.

(Припев)

На первый май из края в край,
Труда солдат, ряды смыкай!
Знамена вей! Сердца взломай!
Рабочий май!

Каждой угрозе вражьей
Крикнем: Смотри! Не тронь!
Товарищ! крепись на страже!
Жги мятежей огонь!

Земля наша вольная площадь.
Мы – королей короли.
В небе над нами полощут
Красных знамён патрули.

(Припев)

На первый май из края в край,
Труда солдат, ряды смыкай!
Знамёна вей! Сердца взломай!
Рабочий май!

1920

РЫД МАТЕРНЫЙ.

Эш ты, детина неструганная!
Где твоя харя сворочена?
Али бревнул потолочину,
Душа твоя недоруганная?

По опивкам что ли кабацким
Лазил губами бряклыми?
Где тряс затылком дурацким?
Где елозил зенками наглыми,
Тусклыми, брюзглыми
Да пальцами корузлыми?

Багра на тя нету!
От какого пня родила тя,
Лесная валежина?
Ну, тя к лешему!
А зад-то – в цветной заплате!
А перед, в крови что ль, отпетый,
Уплёванный да заезжанный?

Мало лозиной выдран!
Знать рыком тебя гвоздило, щенок!
Ишь ты, ладонь, как выдра,
Пятаками нищими вылощена.

Не я ли скулы обвыла,
Просолила щёки скорёженные?
Не я ли тряслась, что кобыла
Разлукою состреноженная?

Садись! Али лопнуло ухо?
Садись, головёшка дурья!
Лопай! – Видишь – краюха!
Лакай – вон тюря!

– Что видел? Сказывай!

– Бога видел.

– С ума что ль спятил?

– Бога видел.

– Толкуй дятел!

– Я видел бога.

– Не бог ли тебя и обидел,
Что стал ты баской да казовый?

– Видел бога.

– Спяна приснилось!
А где видал?

– А где попало: в корчме, у боен,
На паровозах и на базаре.

– Скажи на милость!?
Каков собой он?
Небось на брюхе валялись, смерды!
Такой явился немытой харе
Сам Милосердый?..

– Матка! Слушай!

Бог гудёт
Мужицкою погудкой.
Бог идёт
Мужицкою походкой.
Землю рвёт
Мужичьим сошником.
Бог бьёт
Мужицким кулаком.
Бог это – взглянешь – пьяное рыло.
Бог это – щупнешь – мозоль-короста.
Ремень завыл – это бог-воротила.
Пляс – это бог наработался досыта.

Чур, окаянный!
Крестная сила!
Сгинь! Брешешь! Пьяный!..

– Я землю видел.
Она, что бомба
Гляди – взорвётся.
Фитиль – в Москве.

– Очнись, паскуда!
Земля, что блюдо.
В кувшине квас.
Хлебни покуда
На добрый час.

– Матка, людей глядел я.
Оголтелые,
Голодалые,
Грязнотелые.
Подковами таково-то ковка твякают.
У каждого в глазе – неба кусок.
У каждого в сердце – берёзный сок.
Топоры-то по родному рявкают.

А песни песнятся – весенняя вода,
Людина, что льдина – больш-а-а-а-я.
Сёла суматошат, пучат города,
Давят мироедов, бьют попрошаек.
А куда идут?
И о чём поют?
Невдомёк мне.
Только сердце – вскипи и ёкни:
Братаны, куда?
Аль тесно в наделе?
Тайгой загудели:

– Туда! За года!
На вольные станы!
За море! За горы!
За гай!

– Я с вами, братаны!

– Шагай!

– Несёшь, блажной, околесину!
Язычина с прикола сбился!
Сволочи ветром нанесено –
С охальниками сблудился?
Нишкни! От такого блуду
Прощения нет! Замаливай!
Слышишь, велю!
Мать – я.
Ишь разалелся мальвой,
Шатя.

– Матка, молиться не буду!

– Будь же ты проклят! Сама замолю...

За хулу
Прости, милосердный, сына.
Сына прости,
Премудрый!
Не попусти!
Знаю, сын мой – псина...
Кровь моя! Кровь моя!
Мальченка был бедокурый,
Трепокудрый,
Малый,
Пищал у груди, молока просил,
Головёнку от вшей притыкал скрести...
Господи сил,
Прости!
Кровь моя! Кровь моя!
Земля, сударыня, милуй!
Сама, небось, мать.
Муравой муравлёная,
Древнами древними,
Городами-деревнями
В ризы резные оправленная.
Воду водишь,
Грязи грузишь,
Рожь рожаешь,
Вьюгами вьючишь
Озими зимами.
Гробу – бугор.
Глотке – глоток.
Голоду – хлеб.
Милуй, земля, не серчай!
Мне ли свечой не торчать
Обоим – тебе, да богу?
Кровь моя! Кровь моя!

– Матка! Сбирай в дорогу!
Чего глаза намокли-то?

– Проклят! Проклят! Проклят!

– Матка! Целуй, что ли!
Теперь не вернусь ужю.
Матка, а ноне на воле
Людно, поди, и свежо.
Ну, сторонись, буди!
Нацеловались чай!
Слышишь, шагают люди!
Матка, прощай!

– Кровь моя! Родненький! Кровушка!
Сынушка! Сынка – ах!

.....

– Бог гудёт
Мужицкою погудкой.
Бог идёт
Мужицкою походкой.
Землю рвёт
Нашим сошником.
Бог бьёт
Мужицким кулаком.

1919–1921

ВОСКРЕСНИК.

Гулом наливается полдня яблоко.
Спесивое солнце – жёлтый царь.
Панель-гулёна старухой издрябла.
Где ей асфальтом стерве мерцать?

Панелью разве что пуле цель –
Картофельные сердца.
Улице ждать ли, улице ль,
Изнемогая в торцах?

Панели ль кичиться вывесками,
Буквы-торговки в восстанье таща?
За углом уже, слушай, выляскано.
Не такое, пожди, настанет ещё.

Улица! Хворушка! Вылечу:
Только бы голос нутра достиг.
Репликой зычной вылечу
На визгоплане радости.

Загудело... Мерцнуло... Вот они –
Восьмигрудая грудь толпы.
Работник. Работник. Работник.
И топоты стоп тупы.

Новые ль вихрят песни?
Новую ль флажью богаты?
Это идёт воскресник
Напрочь мотыгой рогатый.

Не на раззор и драку
Руки жмут рукоять.
Тычется сердце сразмаху
Мышцы на ситце ваять.

Были, да вытрухли, рыцари –
Мечари-щитоносцы Петры-Цари,
И оцеплены в ценные панцыри
Цепенеют венцами Иван-Цари.

А теперь – плугари,
Копачи,
Строгали,
Чья щека – загоря,
Чьи сердца – стукачи,
Чьи глаза – слухачи
Чернотелой земли,
Государящей
Под пяты долотом
На пути золотом.
Здорово, товарищи!..

К чорту с дороги! Сами постигли.
Семень смелых – семь ноября.
Ржавое сердце в белые тигли,
Врубам синь топора серебри.

«Водки хозяин!» – подвалы вопите!
«Деньги хозяин!» – берлога рычи!
Песни шагальной жгейно испити,
Солнце ж поставит могоарычи.

Имя! Имя! – Имени нет.
С кем расчёт? На кого табель?
И некому ссыпать вечерних монет
Под чёткий росчерк страдничьих сабель.

Молод молотков юношеский спор.
Зёрнами работы ломаются овины.
Топор затупился? Отточь топор
О вращенье земной шаровины.

Ветра радиостанция,
Разноси материкам – работу робят.
Радуюсь танцу я
Рук быстропалых в земной утробе.

Лениво осклизлым глазам кнуты!
Молотки по гвоздям – чернозём куют,
А рты смежены и замкнуты,
И ёкает селезёнкою.

Сердце?
Здесь?
Нет!
Сердце – куда ушли.
Сердце толкается с ними,
На пунцовом горбу выгребая кули.
Солнце?
Там?
Нет!
Солнце, напялив картуз,
Плавит и шлюзит шлаки
В заросли синих блуз.

Слово?
В песне?
Нет!
Слово ушло из книжек.
Табельщик – в суетне
Цифры на цифры нижет.

Глянь!

Ввысь кирпичные сонаты,
В которых ладно жить.
Кому? Неважно! На, ты!
Входи в этажи!

Стальная новелла с вокзала
Упёрлась в пары, чтоб рвануть.
Железу рука приказала,
И строф шатуна не задуть.

Ковровая роспись хлеба.
И песен полны лохани.
И вот уже нету неба,
А только тонны дыхания.

И сходит сладкая усталь,
Как в голос впадает поэт.
И счёты суставного хруста
Точней стукоты кастаньет.

И не от чего умереть
Ни солнцу, ни вещи, не песне.
Что будни? В скелеты калечь их
Отныне и впредь
Зажатый в руке человеческой
Воскресник!

1921

II.

ль.

ОЛЬГАРЬ.

Я – Ольгарь, и мне – Ольгарю
В тебя как в песок зарыться бы.
Глазами гладить и опеть зарю
О том, что чаечным полднем горю,
И что сосны – рыжие рыцари.

Я – твояч, и мойный прибор
К твоим берегам нескончаемый.
Сердце – шахтёр, забивай забой!
Над тобой в верстах цветёт зверобой.
А «люблю» – это ввысь каланча, и мы,
Нескончаемо день венчаем мы
Молочаями.

Боли блюдо. Люблю Оли близкий блеск.
Оболью океанов свечение августа.
Оли быстр алебастр – стройноручица.
Утром непроходь трав густа.
Не надо мучиться.
Ты – травиная,
А земля для тебя невестка,
А мне ты жена и невеста.

«Люблю» – это титул.
«Горю» – это герб.
А каждый нерв –
Это пролубли пролюбей черпать,
И сведённых сердец репетитор.

1921

ДВЕ.

Фонарь стекает косогором:
Пролётка – лепетунья.
Цвети, петунья,
В клумбах глаз,
Очастоколенных забором!

Выбери одну!
Выберешь, коль выберег.
Выловишь, коль выстерег.
Хранят броневые львы берег
От ржанья ружейных истерик.

Шагаль моя – веялка думы кострик,
Вывеет всех ли из сердца кельи?
Я объявляю великий постриг –
Песням куколь и слёз ожерелье.

Буквы стеклись конторою
В слюне фонаря сухопарого.
Город! Скажи, которую
В застенке сердца запаривать?

Пушкой большого калибра
Выстрелит сердце в полночь.
Выбора требует, выбора
Прибой-Глыбогрыз-Грубоволныч.

Одна...
Другая...
Укусись в стремяна
Нога нагая!
Чтоб свисты в уши,
Чтоб зубы грызли.
Карьером душу
До визга вызли!
Чтоб выпугнуть карклую галку
В небе от звёзд рябом,
Чтоб чокнуть о встречную балку
Морщиной зарезанным лбом.

ТУ.

Ту!

Полетим в высоту!
Чтобы в синем величии
Угадать голоса всякие, птичьи...
Вон – зарделась пушком
Мирабель щеки.
Вот поют, но о ком? –
Корабельщики.

Все поют из кают про уют.
Вон под нами хвосты пароходные
Пахнут углем копей.
Солнцевея струи благородные
Жаркой глоткою пей!
За мерцалью зеркал великанскою,
Где гора берегов водопоится,
Посмотри, – в голубель океанскую
Молча смотрится богова троица.
Всё устроится, Ту,
Только надо глазам остроту
И немного солёных блёсток.
А сердце стоит на посту,
Задыхаясь любовью, как тихий подросток.
Ничего! Вынесет!
Только синей водою умоется
Да солнечным ветром подавится...
Гляди вперёд,
Туда,
Где небу врёт вода,
Где птенчик-парусёнок
Играет в попрыгунчики,
И крутятся спросонок,
Поют и льются выюнчики –
Цветы морской воды.
Мы оба острокрылые тревожны и горды.
Нависла высь. Журчит в ушах полёт.
Вертись, земля! Не вывернешься, право!

Кувыркаясь, как юный кашалот,
Я скоро крикну сверху, браво!
Моё почтение, Ява!
Я Яву вижу наяву!
Я весь – глаза. Я синих глаз орава.
Комком падучим воздух рву.
Ах, почему над головой малайца
Так славно по щенячьи лається?
Ты знаешь, Ту?
Всё знает, но не скажет.
Рукам крепко, крепко свяжет
И молчаливо поглядит.
И буду знать, что солнце свято,
Что мне банан любовней брата,
А ветер северный сердит,
Но что его сюда не пустят.

Вот улыбнулся бледный Грустик!...
И всё это будет в великом посту.
Правда, Ту?!

1919

МОРЕ.

Утюги пароходов огладили море,
Глыбами дыма день обглодали,
Измазали:
Трубочист, а не день –
Синяя сажень
В плечах.
Восходил, во весь лоб светился
И этак зачах,
Оскелетился.
Мачты иглее, чем колики,
В богово логово вколоты,
А руки плескуньи-Ольки
Золоты, ой как золоты!

Солёная горечь
С грустным хрустом напраслин
Треплется
В дали.
Мыльным вскипом затеплится,
Сколыбелится в синие ясли.
В сарафаны вомлеть куполами плеч,
В сарафаны цветных берегов залечь
Эва! Там-вон! Видали?
Где паруса лампочка теплится.

Озоруй, озоруй, ветер – треплево!
Вымпела затепливай!
Тонкокостных мачт
Соски закачай!
Парусов битюжье, что ли, бросить
В синий нескончай,
В моря мужичью проседей.

Звенят по морскому сраженью
Волн звонки.
Под плавкой саженью –
Рыб огоньки.
Под стекломким аршином
Немые наваги.
Корабельным вершинам
Чертыхаются флаги.
Ну и день! Ну и яр же!
Пивом льётся в кувшин
Распухающей баржи.

Загитарили снасти-струны
У стремглавки-шхуны,
И даже тётки-шаланды
Ждут ветровой команды:
Раз! Два! и... и... три!
Гори!

Не жалеть шпор!
На горизонт скопом!
Во весь опор
Волн галопом!
Паруса куполами несут пузыри.
То плывут и красуются сами,
Отмечая дорогу водяными усами,
Подмосковные белые монастыри.
Их море чует:
Пронеси! Борони!
А ветер корчует
Волн пни.

1920

ИЗ ПИСЕМ.

I

Душа тоскою проросла вся.
Душа печалью переехана.
До глаз налитая любовью, славься!
Из тёмной крови слепит смех она.

Я встречу солнце, как посла.
Смотри, входи в глаза и в душу мне!
Грусть зелеными проросла
И выбегла к небес отдушине.

Закинул руки, как стволы.
Закинул песню в трюм бессоннице.
А как глаза твои светлы!
А слёзы лепят глаз углы,

И радость-идолопоклонница
Дочерне перед грустью клонится,
Как в полдень меловая звонница,
Где голуби поют – Курлы.

II

В каждом духатом стойле
Тянется нож душегуба.
В дней кипяточном пойле
Пеной бугриться любо:
В губы!

Грубо рубить поленья.
Сладостно вытечь потом.
Зевно закрыть колени
Заячьих зим капотом.

И высверлить вновь навывлет:
Берлога. Тревога. Дорога.
Ты – кто меня осилит, –
На, тебе паспорт бога!

Дрожью о груди глядясь,
Пить губоглазый кладезь: –
Солнце и белизна.
И знать,
Что взоры Олины
Заореолены.

1919

Поцелуй и глоток вина не одно ли?
Также лепятся губы выпить слад.
Одинаково можно кричать от боли
И оттого, что твои вымпела.

Руками можно вязать и резать
И нежнее морских узлов обнимать,
А в глазах готова слеза железа,
Какой ни одна не выплавит мать.

Вот тебе глаз засвистевший рокот
В зыбях тоски апельсиновым буюм!
Хочешь – и стану до стыдней востока
В платье любви одевать поцелуями.

Хочешь – и щёки залив бесстыдством,
На тёплые горы молитву вскарабкаю
И с вышки визга рухну разбиться
В пропасти страсти измученной тряпкою.

Оползень звёзд омурашит тело,
А губы умрут отдышаться от танца...
Надо – и будет, чтоб тело взлетело
Взрывом гранатовым солнца-повстанца.

1920

НОВОРОЖДЕНЬ.

Из полдня детей выбегают вязки
И кличут тучи итти к венцу.
Я на сердце надену орден подвязки,
Которую с колен ты уронишь танцюя.

Синей горою взбугрилось небо над...
Целую булыжник, тобою наступленный.
А рот – кольцом, горланит хвалебно,
Что весна за четыре солнца куплена.

Соси же груди кормилиц-земель!
Рот размежи снеговинами смехов!
И жадные дни пусть едят карамель,
С листов календарных на землю съехав.

—

Чур-чур! Чур-меня!
Обернись зелёной веткой!
Назовись травинкой деткой!
По подушкам высей лазь!
Ты-ж сегодня родилась.

Трын-трава... Клюнь-вода!
Вырастили хворости мышку-мушку.
Выбелили гибели дом-избушку.
Гибели-колотики сгинуть гонятся,
Словно снова дрязгает конница оконницу.

И... пропали коноводы, лбиной в воду,
капля – сверк...
Это: небо-небывало-предводитель тучу
сверг.

Высвистел ветром, вызвездил букетом
Звёзд воздушных синеву весеннюю,
Словно бы в отдушинах нацарапал светом
Приговор созвездиям к вечному висению.

В сейфе сердца песни накапливая,
Дня огнедышащих лилий жди,
Пока от небес лепестят ломкокапельные
Землю добрящие травяные дожди;

А если небесное заозерье высохнет,
Ты судорогой сердца заменишь его,
Потому что ни в недрах, ни в травах, ни в высях нет
Ни единого ангела праведней твоего.

1919

Солнышко моё! Золотое моё солнышко!

Есть ли где нежнее ладони?
Есть ли глаза, что слаще выпить?
Больней ли грезит о виноградном Доне
Карягами ползущая болотная Припять?
Вы или Ты?

Ты! Пригоршня ласки,
А плески волос водопадовы.
Руки – любовью опояски –
Рады родного обрадовать.

Ты дорогая ж:
Дороже мамы и бога.
Слезой не испугаешь,
Если палец вперёд протянет дорога,
Палец прямой туда,
Где бегут колесом года.

Не, хочу!
Чу!...
Плачешь? Или поёт темнота?
Ты или Та?
Да –
Ты – Та.
Слушай – солнце любит вода.
Это верно.
Это всегда –
Утром всякая скажет цистерна.
Слушай – сердце бормочет под рёбрами,
А кровь – степное варево.
Если воля твоя – государева,
Все ножи и кнуты станут добрыми.
Куда? Не надо.
Я боюсь больших пароходов:
На них уезжает солнце,
А вода оплывает студёным салом.

Крики народов
Кровяным карнавалом
Не обманут меня,
Не зальют мне ушей.
Я слышу, я слышу,
Я слышу сигнала струну контрабасовую;
От ней замучилось море.
Обе ладони набрасываю
На моё безутешное горе.

Пальцев хруст?
Нет, это сегодня
Под твоею ногою крикнула сходня,
И красный лепет падает с уст
В море, где корки арбузные
И грузные
Чайки –
Полоскающиеся балалайки.

Топот сердца? Нет.
Это дым горизонтом задет.
И кривью земною
За тобою,
В дымное вклинась кольцо,
Просится осунувшееся моё лицо.

Помни:
Дни – это полотёр,
Это каменоломни,
Где сердце разглыбил и воском растёр
Один бездомник.

.....

Солнышко моё! Золотое моё солнышко!
Шмелиный гуд.
И листы с веточки на веточку
Скачут, качко стерегут
Ясную деточку
Мою

1919

ЛЕЛЬ.

(Весенние вариации)

Нашепчите весенней воде в ушко,
Что у вешнего Леля алое тело.
Апрелем целованная девушка
Усталым устам восставить повелела.

Леля недели
Олеять велели.
На Леле висели
Ожерелья веселий.

Глядь!
Разливов лиловая гдаль.
Глянь!
Глянцевы вишни желаний.

Летели птицы,
Лакали ветер.
Куда катиться,
Коль вечер светел?

Лозины в отдых
Лизали воздух
Из-под восходов
Фазанохвостых.

Губозори, ветрокосы-ль,
Глазозерье, любонебо-ль?
Только снова яблонь осыпь
Людам въявь ваяет небыль.

Примечай – в лазури пульс твой
Бьётся птицами артерий.
Отвернуться – богохульство,
Улыбнуться – в солнце двери.

Солнце знает, что ценнее –
Потупь глаз иль ветка вязовая.
Целоваться цепеня
Губы наглые приказывают.

Глаза счастливой синевою
Как небом вплавь обведены.
А сердце дерзким зверем воем,
Треща трущобами весны.

.....

Нашепчите вечерней звезде в ушко,
Что солнцарь-небоплаватель мола достиг.
Что в апреле каждая девушка
Мается маем молодости.

А у Леля губы алели,
Предвещая июнь-земляничник.
А над Лелем еле-еле
Полосатый из полдня клич ник.

А под солнцем кружил
Быстрый бог –
Стрибог.
А по улочкам жил
Рьяный сок
Высок.
Лозунг солнечного мятежа –
Мять и жать,
Чтобы мог набежав
Лечь луч...
Чтобы звякнул в ресницах
Ключ клич...
Чтоб хотела присниться,
Чтоб сумела дразниться,
Чтобы сумела в весну невзначай оброниться
На чекан серебрящихся блюд
Девьим лебедем-словом:
Люблю.

Лелька-апрелька!
Апрельская свирелька!
Лалые серьги
Веснобайки-песни
Дарит тебе Сергей
Вёсен вестник.

1921

ВЕРБНЫЙ ЗАКЛИЧ.

Эй, слушай!
Дяди и тётки,
Парни и молодки,
И вся гулящая Москва!
Разинь глаза да блесни десной!
Пусть поболтается твоя голова
Шариком дутым синей весной.
Выплывь к зубатым стенам Кремля!
Взвейся качелями в поле Девичьем!
Эк завертелась сама земля,
Словно серый волк под Иван-Царевичем.
Ухом склонись на звон колоколенный!
Эвона, шапки церквей нахлобучены.
Солнцем, небось, грехи-то замолены.
Ветром, небось, волоса закручены.
Весна побросала голубые поводья
И вшлёп по лужам, зыча гулко.
Гляди! Понесло человечье половодье
Ломать бороной берега переулков.
Впереплеск пошли, что стада лососьи,
Рукавами втекать в площадей качалки,
А солнце шибает в извозчичьи оси
Озорными цветами панёвы-нахалки.

Что это! Что это? Что это? Ба!
Это – верба.
Верба – гурьба.
Верба – гульба.
Верба – пальба.
Верба – борьба.
Верба – труба, труба, труба!..
И каждый трус – Тарас Бульба.

Поглядите вербе
В очи весело!
Намесите вербе
Смехе месиво!

Накупите вербе
Всякой всячины!
Навизжите вербе
Фордыбачины!

Возьми вербу,
Да хлестни по горбу!
Ты купи дуду-свистульку!
Подари красу Акульку!
Надави помадки сладкой,
Обольсти её ухваткой.
Эй, шевели гармонь,
Да раздувай огонь!
На Зацепу парень тощий
Шёл из Марьиной из Рощи,
Под Блаженным оступился
Да за Марью зацепился.
Под Василием Блаженным
Хохоталка-ярмарка
Перезвоном оглашенным
Оглушит до паморка.
Если хочешь веселиться –
Дудку в зубы, деньги вон,
Запихни цветок в петлицу
И ходи как фараон.

Эх, веснянка, ветрогонка – золотые купола!
Разыгралась, ухватила, закружила, понесла.

Раз, два –
Москва
Три, четыре –
В целом мире
Одна
До дна
Без вина
Пьяным пьяна.

Эй, народ румяный!
Вытряхивай карманы!
Труби в трубу!
Апрель венчай!
Встречай вербу!
Вербу встречай!
Ну-ка!

1919

III.

ПУТЁВКА.

ВЛАДИВОСТОК.

Закат заогнил тигра пасть.
Синева побежала тепло спасти.
Вечер-мулат боится упасть
На стеклянных паркетов плоскости.
Вымори море марево.
Месяц звереет,
Солнце оспаривая.
Крестопоклонный в мачтах мечтает рейд.
Дым броненосцев
В небовой звездоклёпанный остов
Втаивает нежась.
А сызморя мраморит свежесть.
Месяц, в воде проблей!
Зеркала кораблей
Сыплют первые блёсткие бляхи рублей.
И думными дымными клубами
Говорят вышине деревянные колыбельные
Корабельные.

1920

НОЧЬ. ПЕКИН.

Зеленозвёздое тысячеточье.
В иероглифах мифа бархат.
Драконью кожу распяли ночью
Над мыком города-монарха.

Зубами стен назои скрипок
Жуя перегрызают жилы.
Из язв харчевен тучный выпих
Гангреной пищи обложил.

И апельсины фонарей
Чудовно зреют у дверей.

Посевы звёзд взойти мерещатся.
Оцепенело неба в стуже лицо.
По древесине века резчица
Грызёт и грезит полночь-жужелица.

Гвоздей звездящих, сыпких бус ли
Набрызган мраку ёмкий ковшик.
Ночной торговли ноют гусли,
Шушуки спален проколовши.

Зызыкнут гзонгом звонари.
Багрея зреют фонари.

И если голову закину,
Увижу – Время с донным звоном
Вращает небосвод Пекина
Торжественный, как свод законов.

1921

Д. В. Р.

На древолом – ударом поездов!
Свистком по зеркалу стальных кулиг рыща.
А вечер сизый сломан и издох.
Таёжных пожаров желты глаза,
Где пни орут на древожорных игрищах.
При лампах ужинает древесиной
Смолокур, дымогон, стволохруст;
И пьётся воздух – свежая буза,
Насосом уст.

За пожарами сопки
Тычутся в тучи.
За сопками сопки,
Тайгою увьючены.
Падей донья.
Заимок чад.
Хутора чалдоньи
Нахохлясь молчат.

Ветер разводящий
Несёт приказанья.
Кедровые чащи,
Хмурь партизанья.
Перемечены тропки,
Перевёрстаны дерева,
А за сопками сопки –
За головой голова.

С сопки на сопку штыками, глазами
Кожу России стерегут партизаны.
А чтобы бессонился край возмужалый –
Сапою, сапою в сопках пожары.

1921

БАЙКАЛ.

Бокал
Байкала
Бает: бай-бай!

Лосково лыс.
Ласково лузгает гальку.
Бока Байкала – круч короста,
А во весь рост
Блестят берестяные горы.
Байкал лакает голубое.
И лает лаем волн-собак
От веса вод дрожащий бак,
Пока не ввинтит полдень гайку,
И бык-Байкал не хряснет с бою
Кремнебременчатые сараи,
Кривые губы берегов
Христосуя
Хрустявым хрусталём рогов.

ТОННЕЛИ.

Тонули в тоннели – летун, рвач!
Мигдень – мигноч, певуч ковач.
Тоннели тянули чёрный чехол,
И снова выскакивал снежный хохол.
Свирелями рельс ореян Байкал.
В карманы тоннелей звончей и быстрее вал,
В черепа скал зрачки искал,
Железной кобылой горы простреливал.
Багулом и гулом
Перевит паровик.
Норовит ось рычать,
Осерчав.
Верстоглот в колокола галопа
Всколотил подмышками кряжа,
И только на вышках ушами хлопала
Облаков козлиная пряжа.

АНГАРА.

Гора, гора и ещё гора.
А над озером – сирени курев.
Беги, улепётывый, лепечи, Ангара,
На скаку глаза зажмурив!

Ангара быстра –
Сабля остра,
До дна
Холодна,
Хрусталю сестра.
Купаться – страх:
Кожу содрать,
Расплескать по кускам
Кровь нарасхват
Допестра.

Ангара ворует мясо Байкала
И мчит, боками о скалы стучаясь.
Нет её зубов острее оскала
И зычней, когда звякает студёною злюкою.

Горы обок в хвойных шубах
Зазывают посулами – погоди до утра!
Но из всех на свете ледяных душегубок
Самая вредная – Ангара.

ЕНИСЕЙ.

Клюкой восхода лукнутся криво
Через – стремглавит солнца лапта –
Хомутом облаков перетёртый загривок
Станового хребта.

Там младенцы-истоки реки Енисея
Воргулят безпамятно на речушном наречии.
Облака разлеглись в синебах Колизея
На меня поглазеть через рыхлые плечи.

Тут туг приводный ремень Енисея,
По шлифу русла синееет намащенный,
Скользит и не ляскнет, и крутит, и сеет,
Горам перемалывая всхлипы-напраслины.

Волочит Енисей сквозь драные рёбра
Своих берегов на океанский голос
Весну к декабрям седым и недобрым,
Зелёные сани поставив на полоз.

ТОБОЛ.

Тобол болотами облатан.
У Тобола весна в волне взболтана.
Спит змеюкой,
Расстиластится,

Гложет яра краюхи,
Сосёт берегов топкое маслице,
Холстом под худущим солнцем белится.
У Тобола подол островьём заплата,
Что портки земледельца.
Из суглинья жёлтого
Еле ноги выволакивая,
От крутогорий западных
Идёт, половодий суставом скрипя,
Тобол – старичина – лапотник
По неба по лаковые,
Где туши тундр-прабабок
В ожерельи из клюквы
На лишайной перине
Завалены набок
И на лихое время шипом злюк
Выпечальваются Ледовитой Серебрине.

Качка кочек. Что ни холм, то болячка
Серы воды. Небо лаптем выхожено.
Сивы веси, а со станций так же тихо же нам
Туюс масла меновует тоболячка.

УРАЛ.

Рудая руда.
За плетнем заболочин
Черноногий сосняк
В болото вколочен,
В кочки смяк.
А Россия идёт на Урал
На ура,
В паровозном посвисте
Огибая скал парад,
Тужась в тепло свести
Бриллиант в миллиарды карат.

Заводы подняли руки труб –
Нечем голосить, - за хлеб голосуют,
За Россию босую,
За шахты трудный проруб.

Острия еловых копий
Стерегут рудоёмкие копи.
А ручей стервенелый зол-то –
Ворует у кремня золото.
Деревья, что перья на коршуне,
А под ними лежат
Цилиндры, рельсы, поршни,
Топор и лезье ножа.
Аль не жаль?
Только ж нажать,
Ахнуть мускулами проломными,
Чтобы в горы дыра,
Чтобы в недра трубы –
И завоюет Урал,
Затеплится домнами
Отпластывать горы за прорубом прорубы.

И лицо просветлённых старшин
Процветает на изломах уральских вершин,
И каряги, хрустя на пожарищах,
Улыбнутся улыбкой товарища.

ВЯТКА.

В ухе России грязная ватка –
Вятка.
Старая растяпа
С еловым умишком,
Влезла в овраги лапой,
В заборах застряла домишками.
Фефела! Немытое рыло!
Губы развесила, что бельё для просушки.
Со сраму ль подолом зелёным закрыла
В старичьем шамкале запах косушки?

С-под подолу река,
Вразвалку разбрыка,
Рыжие простыни смяв,
Тужит поромы утлые,

Плечом чешась о город, что боров.
Ай, Вятка!
На закукорки сев, неряха,
Гребёнки и шпильки соборов
Втыкает во вшивые кудлы:
«Мы-ста, мол, тоже, не сопля на рогоже!»

СИБГОРОД.

Город нарастал тесовой мозолью
На подошве земли, промёрзлой внутрь.
Город городил: Захочу – позволю,
А поля на то лебезили: – Сударь!

Рекой кушаковой округ вей!
Голоса пристаней по ней выращены,
А праздником фартук хоругвей
На подол меловой мнастырщины.

Жили, стоя обеими лапами
На семи пирогах, печах и сытости,
Проростали детьми, в крестинный запах
Зычным диаконом многолетия вытостив.

Оттата!

Пришли гулевые года.
Да-да!
В кулаке поножовщика купца борода.
Ввалился подвал, задрав подол.
Грязные опорки – на хозяйский стол.
Писк – хлип, жирная еда.
Да!
В комнатах тощих морозы-холода.
В зданиях казённых бушует слобода.

Ужели навсегда?
Не трижды ли
Молебны служили?
Ждали, жили,
Не выждали...
Кондовы, исконны, старинны господа
Полопались, потаяли;
Ещё до Первомая ли
Их кости спорошились, и их снесла вода!
Да-да!

Города душе-запевале близки.
От скул исхудалых пружинной веется.
Города проросли красные обелиски
Над клумбами памяти красноармейца.

Кулаки трибун опустились на площади.
И вместо хлебных сибирских закатов
На стенах, на столбах, на глазах полощут
Визгливые плески и пляски плакатов.

В деревенской поскони колесо, вдев
Винтовочье дуло тугою осью,
Пришёл хозяин – чуженин-Совдеп,
Пятерню засучив на колтунные волосья,
На рыхлый парной старожилый хлеб.

Глаза в молитву сложились:
– Куда торопиться?
Где там? Кулак жилист,
Не даст и слезой напиток –
Хрясь!
А там по нюням размазывай грязь...

На суконных шишаках пятирогая звезда.
Окрик зычен: – Подбери пузо!
Бугаи в стальных пополах – броневые поезда
Проплывают, выворачивая шлюзы.

Голодает молодая
Просияль страны-мятежницы.
Декабрями холодая,
И на плахе сердце нежится.

Голыми руками
Брала кипятков восстания,
И вот над реками
Ни одного моста у неё.

По бережно сложенным брёвнам
Паровозы чахоточные надрывают пары,
Революции рёв нам –
Это песня больной сестры.

Революции боли
Не простятся вовек никому,
И каждую шею мозолит
Революции тяжкий хомут.

И даже на коже берёзовой,
На белых чулках дерёв,
Написанный огненно розовый
Страны замуравленный рёв.

– «Тысячевёрстый каторжник,
Череп вскрывая о склеп,
Спекаю себя для завтрашних
В ласку и хлеб!»

В пригоршнях своих пронеси их,
Слова эти, как на блюде:
Можно всё забыть, но России
Никогда не забудут люди,

Пока о хлебе мерцать
Не разучатся их сердца.

Пусть сожмёт рука топорище,
Ненавидя до сини в мозгу –
Знаю, сердце злобовника ищет,
Не проломит ли песня згу.

И только крупинка пева,
Петушинка пунцового дня, –
И сломятся сучья гнева,
И топор упадёт звеня.

И вижу – визжа о пище,
Собирая в помойках крупы,
Россия, больная и нищая,
Все народы свернула в рупор.

И в рупоре шёпот чахлый
Слышнее, чем рёв гудков,
Потому что дыбой пропахла,
Потому что в крови молоко.

А когда, извертась в мочалу,
В небо выставит мёртвый глаз,
Может быть наступит начало
Дня её услышавших рас.

1921

ТОРОС.

Затрясся на море торос.
Ещё раз
Поцелуем сплеснулись уста.
Уста ли
Устали сцепляться?
Губы ль
На убыль
Уже и уже?

И уже белогубое горе
Шуршит сухостоем зубов,
И заржавленный зык
Из гортани
Полез на язык
Душегубых восстаний.
На лоб океана –
Картуз:
Надвигается торос
Оскален и тускл.
Океан ледовит.
У него отросли снеговые копыта,
Ледяные клыки.
Сжались туч кулаки.
За спиной мерный дых следопыта.
Океан – револют,
Рёвом лют.
Он пельменем глонет в мокрый люк
Карбас
Со скарбом
И с нами
И зачавкает мёрзлыми снами.
Наседает с простора торос.
Слышь!
Он сигает с шипящих лыж.
Торопись!

Торос встал во весь рост.
Торос пеной оброс.
Торос в доски вопнул ножевые рога.
Океана взлетел указательный палец.
Ага!
Попались!...

1921

КИТОБОИ.

Опахало сполохов полыхало.
Океанские поршни пыхали.
Вывеска звёзд:
«Ледяных дел мастерская.»
Брызглые пальмы китовых дыхалец.
Выхолятся жиры под живыми курганами.
Склад серебра.
Бракосочетание – брак косой и сочной четы тюленей.
Ледяные поля кружев изорванной.
Марши басами поют босые моржи на ледяном клиросе.
Голод не тётка.
Гарпунья метка
Поёт о ворвани.
Из какого зерна на стеклянных десятинах
Гололицы выросли,
Скользя гололедицей,
Карягой криков тишину царапая?
Зачем из моржей кумачи в снег?
За что раскололись тихие?
Чего чужие хотят?
И под ласты толстые китихи
Ласково ховают китят.
Ломая ледовую мебель,
Истошным карьером по тёмной столовой
Полярной квартиры...
Палят мортиры
Мёрзлого пола.
Плачут тюлени, телами сдыхая;
Дохохатываются белолицы до голубой звезды.
И дышут сполохи полыхая.

1921

ГРОЗА.

(Словострунь).

Пепел – платье полей.
По полёту птах
Косо стелется кволий скелет тополей.
Вопли птах.
Лоб – плита.
Хош капли!
В кислый ком.
Муть томит.
Тьма на темя.
Ать-два! Ать-два!
Дзз...
Языками, взалкав, залакала листва.
Ветер – тетерев
Востоковал от востока.
Ветер сипким смычком
Разрезает корзину земли.
Ветер стервой рванул,
Посинел, засосал,
Зазвончал и начал
Раз – раз – раз
Раскачивать туч качели.
Врыв – и щель.
Вкруть – и щёк
Щёкот ещё.
Щади! Дирижёр!
Рёв ущемился в морщинах ущура очей.
Толкачат кирпичи.
Растараща шатнули чрез рощи,
Тучи морщат и рыщут
В разрыве узды деревяной.

Бич! Продрог.
Зыч! Ощерьсь!
В градобойную пасть
Чтобы рокот и гром –
Ветрогон – аргамак,
Небо – негр, в пасть упасть
Мог.

То рокот расчерчен зарницей.
Ниц
В гроб!..
Перелил. Протопил.
Струйны полосы
Ленивых песков.
Плавники последних всплесков
Уплывают в полынь.
Полуда полудня
Линяет на длинном небе.
Стеклянные зёрна на хлебе.
Теплыни мантия ныне,
Льну позволная льнуть,
Лебезит в зелена.

Ланью
Молонья.
Изледеян
Оленем клён обленился,
Диваны полян зелена...

Полдень – желтень!

Чивилей ручьевых птицелей

Олелей!

1921